знаем, но доказательством дополнения CI по особому источнику они служить не могут.

Мнение А. А. Шахматова о том, что текст CI за XIII—XV вв. основывается исключительно на «своде 1448 г.», может быть, как мы полагаем, распространено на всю эту летопись в целом. CI представляла собой, повидимому, не что иное, как сокращенный и не очень значительно отредактированный текст того памятника, который А. А. Шахматов назвал «сводом 1448 г.». Конечно, восстановление протографа CI—HIV не может быть осуществлено только на основе CI (текст этой летописи, как мы могли убедиться в ряде случаев, явно неполон, и его приходится дополнять по НК и HIV), но CI в целом дает наиболее ясное представление об общем составе свода-протографа. При реконструкции этого протографа в основу должен был быть положен общий текст CI, НК и HIV и те разделы этих летописей, которые могут быть с достаточной убедительностью возведены к общему тексту.[39]

2

Предположительное определение состава протографа CI—HIV дает возможность указать и источники, на которых основывался этот свод. При установлении его источников мы будем сравнивать текст CI—HIV не с предполагаемыми сводами (вроде Полихрона 1418—1423 гг.),[40] а с реально дошедшими до нас памятниками летописания XIV—начала XV в.

Главные элементы, из которых сложился протограф CI—HIV, были уже установлены А. А. Шахматовым: это новгородское и общерусское летописание начала XV в. (соединение этих элементов обнаруживается уже в начальной части CI—HIV: после введения к Повести временных лет здесь следует предисловие к «Софийскому временнику», известное и

А. А. Шахматов. Рукопись). Но сделать на полях записи об отличии своей летописи от «Киевского» летописца мог и составитель архетипа CI, и составитель протографа CI—HIV.

[39] А. А. Шахматов предполагал, что текст протографа HIV—CI отразился еще в летописном сборнике Авраамки (ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889), в близких к летописи Авраамки западнорусском сборнике епископа Павла (БАН, собр. Доброхотова, № 18) и «Сказании летом вкратце», примыкающем к «Хождению Игнатия Смольнянина» (ГПБ, Софийское собр., № 1464 и БАН, 16.8.13), а также в первой части Рогожского летописца (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Пгр., 1922); источником всех этих памятников было, по его мнению, «Краткое извлечение из свода 1448 г.» (А. А. Шахматов. Обозрение, стр. 231—255, 302—328). Однако текст рассказа о битве на Калке в сборнике Авраамки, как и в Рогожском летописце, обнаруживает уже явные черты вторичности, присущей HIV: Мстислав Галицкий превращен в Мстислава Черниговского, при перечислении половецких даров вместо «вельблудов, буволов и девок» фигурируют «злато и паволокы» и т. д. (см. выше, стр. 116; ср.: А. А. Шахматов. Обозрение, стр. 317—318); читаются в этих летописях и те дополнительные известия о строительстве и других новгородских событиях, которые отсутствуют в CI, а иногда и в НК. Нам представляется поэтому более вероятным видеть в Рогожском летописце, сборнике Авраамки, сборнике Павла и «Сказании летом вкратце» отражение не «свода 1448 г.», а скорее HIV (может быть, с небольшим дополнением по CI или даже по протографу обеих летописей); во всяком случае, сколько-нибудь надежной опоры для восстановления протографа CI—HIV эти летописи не дают.

[40] А. А. Шахматов считал прямыми отражениями Полихрона 1423 г. Ермолинскую летопись и Хронограф, но анализ этих летописей обнаружил отражение в них тех же элементов — общерусского (большие повести о татарском нашествии, битвах с татарами и т. д.) и новгородского, которые характерны для CI—HIV; поэтому А. А. Шахматов пришел к заключению, что Полихрон и восходивший к нему «свод 1448 г.» пользовались одними и теми же источниками — «Софийским временником» 1421 г. и Ростовским сводом 1418 г. (А. А. Шахматов. Обозрение, стр. 160; ср.: А. А. Шахматов. Рукопись, примечание на лл. 150—168 и схема на л. 134 — схема эта из-за ее сложности неточно воспроизведена в издании «Обозрения»).